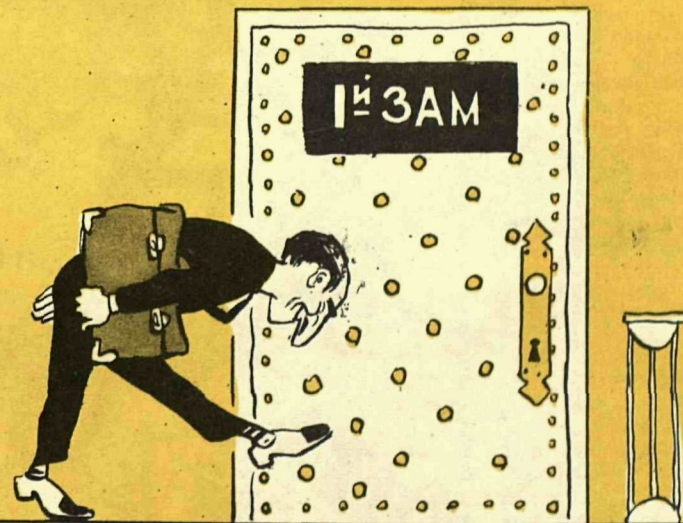

№ 32 (1646)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

20 НОЯБРЯ 1961

И ПО КОРИДОРУ ХОДИ С ОПАСКОЙ
(Руководство для подхалима)

К
Р
О
К
О
Д
И
Л

Когда стрелки часов, установленных в зале заседаний Кремлевского дворца, отсчитывали последние минуты работы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с краткой речью к делегатам и гостям обратился Никита Сергеевич Хрущев.

Он подвел итоги исторического съезда, говорил о наших грандиозных целях и задачах. Практической задачей партии и народа стало отныне построение коммунистического общества. Это великая цель, которой нельзя достигнуть заклинаниями и призывами.

— Коммунизм,— сказал Н. С. Хрущев,— можно построить трудом, трудом и только трудом миллионов... За работу, товарищи!

За работу! Эти простые слова, произнесенные с высокой трибуны Кремлевского Дворца съездов, миллионы и миллионы советских тружеников восприняли и как дружеское напутствие перед большим и трудным походом и как боевой призыв к завоеванию новых высот коммунистического строительства. Но не станем скрывать: реакция некоторых людей на эти слова будет иная.

— Работать? — спросит спронтонья тунеядец.— Нет, это занятие не для меня.

И перевернется на другой бок.

— Опять что-то заговорили о работе,— скептически скажет очковтиратель.— Но к чему все эти хлопоты, заботы и суета, когда стоит мне только шевельнуть пальцем, как нужные показатели налицо!

И очковтиратель, вперив взгляд в потолок, шевелит пальцами, вписывая в сводку фантастическую цифру, которая тем не менее сулит ему вполне реальные блага.

— Зачем это излишнее напоминание! — обиженно воскликнет канцелярист.— А я разве не работаю, разве не торчу за этим столом с девяти утра и до пяти вечера?

И снова углубится в необычайно сложный кроссворд, разгадывание которого отняло у него уже не один рабочий день.

Под стать ему и псевдочученый, с превеликим трудом одолевший за какие-нибудь пять лет первую часть исследований государственного строя княжества Лихтенштейн.

Откровенные лодыри и лежебоки, они не прочь черпать всяческие блага из общественной чаши, но сами вносить в нее что-то ценное, ошутимое не желают.

Такова одна разновидность паразитов.

Но есть и другая.

Возьмем, например, бюрократа. О, это очень деятельный человек, он неутомим в крючкотворстве! В нашей великой Программе он видит только параграфы и не замечает человека, счастью и благополучию которого она посвящена от первой до последней строчки. Человек для бюрократа — это не творец, не живое, деятельное, любящее, иногда и опечаленное чем-либо существо, а анкета, справка с последнего места работы, свидетельство о рождении.

Восприняв упоминание о работе как призыв к бумаготворчеству, бюрократ уже пустился во все тяжкие и, не разгибая спины, строчит инструкции и циркуляры с единственной целью — «тащить» и не «пу-

сать». Потоком никому не нужных бумаг грозит он завалить все ведущие к коммунизму магистрали. Остановите бюрократа!

А подхалимы, карьеристы, аллилуйчики — все эти отвратительные типы, рожденные во времена развенчанного партией культа личности? Ведь и они не прочь «порадеть» общему делу, но, конечно, своими подлыми методами и в своих корыстных целях. Мы обязаны выставить прочный, непреодолимый заслон и против мерзких поползновений этих слизняков.

— Ни шагу вперед! — говорим мы тунеядцам и хапугам, бюрократам и подхалимам, хулиганам и карьеристам.— Хоть вы и принадлежите к нынешнему поколению советских людей, но жить вам при коммунизме не суждено. Извольте перековаться!

Коммунистическая партия смеет все препятствия и препоны на своем пути, используя испытанное оружие критики и самокритики. Это с новой силой подчеркнул в своем заключительном слове на XXII съезде КПСС Никита Сергеевич Хрущев:

— Отличие марксистско-ленинских партий от всех других политических партий состоит в том, что коммунисты, не колеблясь, смело вскрывают и ликвидируют недостатки и изъяны в своей работе. Критика, пусть даже самая острая, помогает нашему движению вперед.

К такой острой и смелой критике всяческих недостатков и изъянов я призываю вас, мои друзья — читатели и корреспонденты.

Куда направить в первую очередь свои стопы сатирику? Ну хотя бы в этот тихий уголок, где на-

чалствует странного вида Человечек.

Люди здесь работают, что называется, не покладая рук, производят немалые ценности. Они исполнены больших дум и стремлений. Они испытывают и радости и огорчения, их одолевают подчас житейские заботы.

А Человечек, наблюдая за тем, как усердно трудятся люди, говорит:

— Давай, давай!

«Давай» в смысле вала. В смысле ассортимента. Чтобы все было в полном ажуре.

Остальное Человечка не интересует.

Есть обширная сфера нашей общественной жизни, именуемая бытом. Человечек в свое время удостоил своим вниманием и область быта. Он возвел серое о двенадцати колоннах здание и назвал его Домом культуры. Пустое и холодное, оно пугает прохожих своим уродливым видом. Человечек приказал намалевать десятиметровой длины вывеску «Столовая». Но в дощатый барак под этой вывеской редко кто заходит, разве что захмелевший прогульщик или командированный из другого города толкач. Человечек создал при заводоуправлении даже специальный сектор быта, поставил во главе его людей, не полностью отсидевших сроки заключения, и напутствовал теми же словами:

— Давай, давай!

Впрочем, люди эти, следуя своей профессиональной привычке, не столько дают, сколько берут. Берут совершенно безбожно и совершенно откровенно.

Скажи мне, друг-сатирик, разве не твоя обязанность вытащить за ушко да на солнышко такого вот Человечка? Не твое ли острое и правдивое перо, мой читатель и корреспондент, должно пройтись по всем так называемым бытовым точкам, где сохранились еще заскорузлые частники и бракоделы, отравляющие хорошее рабочее настроение советских людей?

Такими вот мыслями решил я поделиться с тобой, дорогой читатель, и с тобой, мой боевой помощник корреспондент-сатирик.

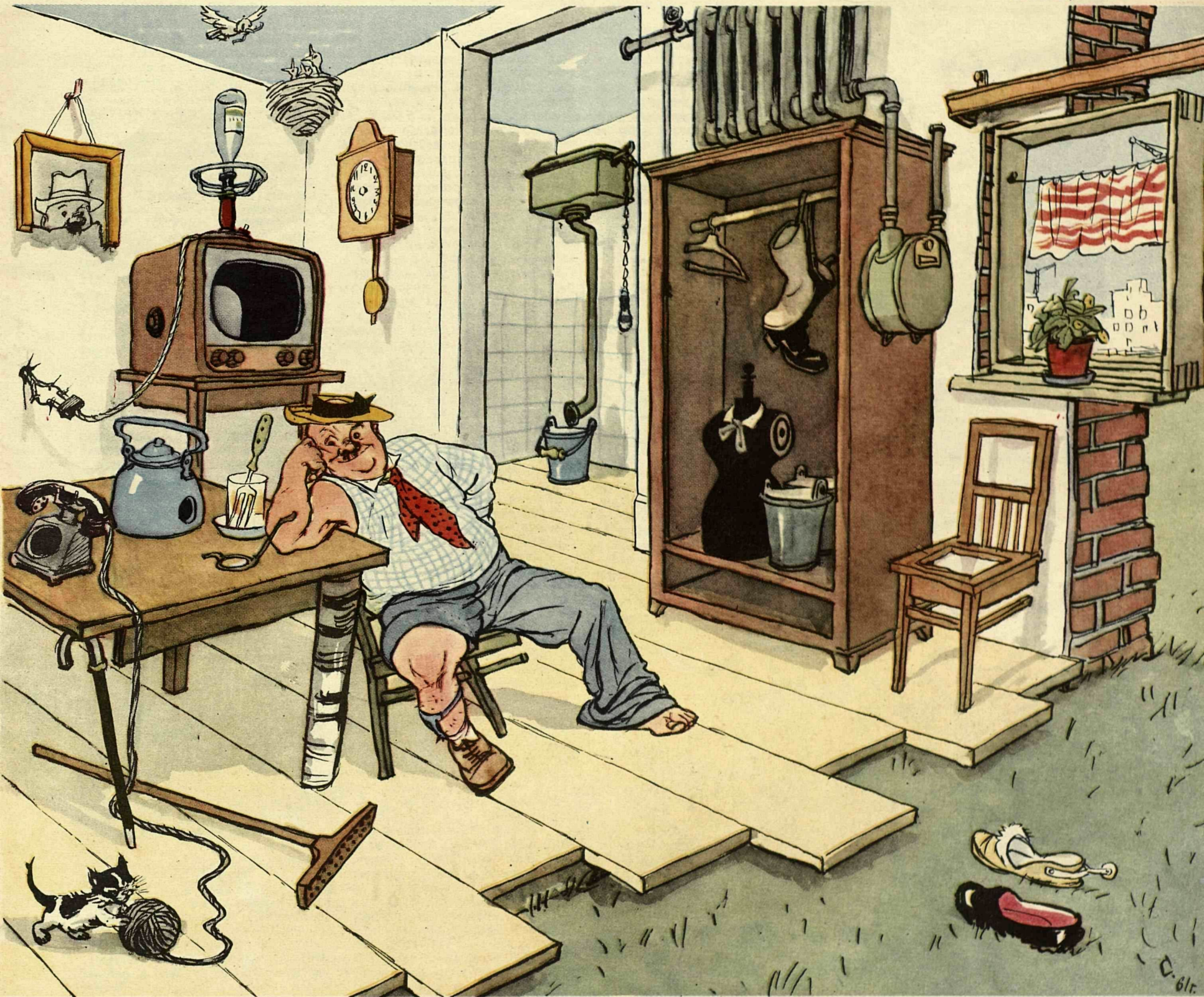
Съезд партии задал сатирикам и юмористам много большой, важной работы, и, не боясь власти в ложный пафос, я бы сказал, работы по-настоящему увлекательной, захватывающей. Как удачно выразился один из делегатов съезда партии, потребность в смехе не только не затухает в человечестве, идущем по пути к счастью, но еще более возрастает. Значит, наш долг — еще острее и талантливее развить оружием смеха все косное, отжившее, беспощадно выкорчевывать пни нашей жизни.

Вчитайтесь, друзья, еще и еще раз в доклады, речи делегатов, в документы, принятые историческим съездом. Вдумайтесь в поистине великие проблемы и задачи, выдвинутые партией перед народом. Я уверен, живой огонек искусства зажжется в вашей душе, воплотится в столь любимые народом сатирические и юмористические образы.

За работу, друзья!

Рисунок Е. МИГУНОВА

Председатель совнархоза Недоделкин в привычной обстановке.

Зайцем на орбите

Звучали цифры: «Пять... четыре...
Три нормы, две...» В глазах азарт!
С речами в прессе и в эфире
Иван Иванович принял старт.
Он на посулы не скупился,
Он в грудь себя усердно бил
И в обязательствах божился
Не пожалеть для дела сил...
И вот под гул аплодисментов
Взлетел он в мнении людском:

«Передовик! Такой моментом
Придет к победе прямоком!..»
Иван Иванович на орбите,
В зените славы, так сказать,
И о посулах в том зените
Стал понемногу забывать.
В речах кричит о достижениях,
А наяву дела хоть брось...
Команду дать на приземленье
Иван Ивановичу пришлось,

Затем пробрать его с горчицей
[Зря не бросай слова свои].
Сгорел хвостун, как говорится,
«При входе в плотные слои...»
Подобных много есть примеров.
Конец у них всегда таков,
Поскольку наша атмосфера
Терпеть не может болтунов!

Игорь ТАРАБУКИН

г. Свердловск.

СВЕРХНОРМАТИВНЫЙ СЕРЕЖА

— Начинаем наши радиопередачи...

В сложившейся ситуации Сережа явно был третьим лишним.

Не помогли ни его серые, чуть лукавые глаза, с надеждой смотревшие из-под черных длинных ресниц, ни ровный ряд раскрывшихся в пленительной улыбке зубов, ни его ладная, стройная фигура. Восхищенно, с нескрываемой нежностью глядя на Сережу, заведующая детским садом тем не менее была непреклонна.

— Нет,— с сожалением сказала она.— Нет, мамаша, это невозможно. И не просите. Мы уже и так двоих ваших ребят приняли. А третьего никак не могу. Некуда.

— Но как же так! — растерянно сказала мамаша.— Ведь наш город совершенно новый, мы его строители и первые жители, а для наших детей уже сразу не хватает мест.

— Сама удивляюсь,— развела руками заведующая.— Наш садик, например, рассчитан на сто ребят, а мы набрали сто пятьдесят. Повернуться негде.

Так что рада бы всей душой, но не могу...

И Сережа, недовольно топя ножками, удалился, ведомый своей огорченной и недоумевающей мамой.

И в самом деле, как ей было не огорчаться, когда поперек ее жизненного пути встала неразрешимая дилемма: бросить либо работу, либо ребенка! И как ей было не удивляться, когда такая нелепая ситуация сложилась в недавно построенном, существующем всего несколько лет, но уже известном всей стране городе Волжском!

Разве трудно было, проектируя и возводя этот красавец город, догадаться, что его новые, удобные квартиры там и сям огласятся по-хозяйски требовательными криками новорожденных?

Разве не могли бы его жители-новоселы, будущие папы и мамы, соорудившие знаменитую гигантскую Волжскую гидроэлектростанцию имени XXII съезда КПСС, запросто построить для своих малышей нужное количество детских садов и яслей?

Совершенно неожиданный, но исчерпывающий ответ дал нам первый секретарь Волжского горкома КПСС Н. И. Лебедев.

— Дело в том,— сказал Николай Иванович,— что при строительстве детских учреждений количество мест определяется по нормам. На тысячу человек населения. Нормы эти составлены, очевидно, на основе средних статистических данных о рождаемости. А в нашем городе, представьте себе...

ОТ РЕДАКЦИИ: Фельетон о неурядице с детскими садами и яслями был уже готов к печати, как нами вдруг овладело беспокойство: не зря ли мы подняли шум из-за Волжского? Может быть, маловозрастные Сережи в других новых городах чувствуют себя более уютно?

Увы, Волжский — далеко не единственный город, где наблюдается досадное несоответствие между нормами и жизнью. То же самое и в других молодых городах — Братске, Рудном, Ставрополе (на Волге), Темиртау, Ангарске...

Откликаясь на зов партии, юноши и девушки едут на целину, в Сибирь, на Дальний Восток, в необжитые места.

— Здесь будет город заложен,— горделиво говорят они.

И происходит то, что приезжающие в нашу страну гости из-за рубежа называют «советским чудом». В невиданно короткие сроки в местах, где не ступала нога человека, появляются новые, благоустроенные, цветущие города. Города, населенные молодежью. Если можно так выразиться, города без пенсионеров.

Вот почему не удивительно, что в этих местах рождается много детей. Гораздо больше, чем в давно обжитых, старых административных центрах.

И возникает законный вопрос: неужели количество мест в детских учреждениях на тысячу человек населения, скажем, в Темиртау и Калуге должно быть одинаковым? Известно, что в среднем по Союзу у нас в год рождается 25 детей на тысячу человек населения. А в молодом городе Темиртау их рождается уже 46, в Рудном — 43. Если бы даже установленные нормы строительства детских учреждений были выполнены, как говорят, на все сто, то и тогда половина юных граждан нового города Ангарска осталась бы за стенами детских садов и яслей.

За разъяснениями мы обратились к автору железобетонных норм — Госстрою СССР. Разговор протекал довольно мирно.

— Знаете ли вы о досадном несоответствии?

— Знаем. Вероятно, при составлении новых норм это несоответствие следует устранить.

Такой же мирный характер носил разговор и с теми, кто проектирует новые города: «Гидропроект», «Главэнергпроект», «Гидроэнергпроект», «Гипрогором».

— Знаете ли вы?..

— Знаем. Мы даже сигнализировали, но нам разъяснили, что нормы есть нормы.

Дальше обращаться было некуда, и мы, вздохнув, закончили переговоры, которые хотя и проходили в духе взаимопонимания, но тем не менее оставили открытым по крайней мере один печальный вопрос:

Не слишком ли много у нас еще равнодушных людей на тысячу человек населения?

Я. ДЫМСКОЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Волжский.

Строительно-монтажные частушки

Иногда с раствором туго,
Долго тянется простой.
Столько лишнего досуга,
Хоть весь день частушки пойте!

Мастера и мастерицы
Сдали в срок строение.
А доделки будут длиться
Года три, не менее!

В новом здании, к сожалению,
Подкачала «теплота».
Паровое отопление —
Пар клубами из рта!

В крыше — течь, но, молвить
надо,
Кровельщик внимательный:
Приволок жильцам со склада
Зонт и круг спасательный.

Дом построили на славу,
Да изрыт изрядно двор.
Сиганул прораб в канаву
И не вылез до сих пор!

Владимир ИВАНОВ

г. Ленинград.

Рассказ потерпевшего

Роковое число

Вот, говорят, тринадцать — роковое число. Чепуха! Предвзвешенности! Все числа одинаковы, и тринадцать может быть хорошим числом. Скажем, тринадцать процентов сверх плана. Разве плохо?

— Нет, — возражают наши колхозники, — нехорошее число тринадцать. Мы убедились в этом. У нас из-за этого числа концерт сорвался.

Дело было так. Приехал в колхоз украинский ансамбль «Юность». Расклеил афиши. Собрались вечером колхозники в клуб. Не все, конечно. Многие работали в ночных сменах, многие не смогли приехать с полевых станков.

И вот когда собрались, вышел руководитель ансамбля «Юность» Анатолий Челутьян и заявил:

— Концерта не будет. Нам нужно не менее сотни человек, а вас только 87. Тринадцати не хватает. До свидания.

И уехали.
Вот вам и предвзвешенности!

От имени колхозников
Э. МЕЦЛЕР, Н. ФЕДОРОВА,
Л. ИНОЗЕМЦЕВА

с. Михайличенково,
Бородулихинского района,
Семипалатинской области.

Все, кроме него!

Друг, стыдись! А где же слово
Впредь не пробовать хмельного!
Вновь напился допьяна!!

— В этом штопора вина:
Он открыл вино дорогу...
Все виновны понемногу!
Рюмка, дав приют вину,
Делит штопора вину.
Но бутылка тем виновней,
Что хранилось вино в ней!

Эмиль КРОТКИЙ

История эга началась апрельским погожим днем, когда мой радиоприемник неожиданно замолк. Взвалил я его на плечи, крикнул и поехал с нашей окраины в центр Тамбова искать мастерскую. Наконец нашел. Оказалось, что заказов здесь набрали на месяц вперед. Пришлось крикнуть вторично и вернуться домой.

Добрался спустя часа два, взял у жены шкатулку с инструментом от швейной машины и принялся за дело.

Весь вечер крутил эбонитовые переключатели, легонько постукивал по ним, бережно, как нежнейший врач, прикладывал к приемнику ухо... Наконец догадался: предохранитель перегорел. Заменял его и услышал голос диктора.

Производственный успех наполнил меня, как говорят, чувством законной гордости.

Спустя неделю я вынужден был опять отличиться: у жены испортился утюг.

Снова пришлось ехать чуть ли не за четыре километра в мастерскую. Там сообщили: приемщик захворал. Метнулся в соседнюю мастерскую — закрыто. Вторник, а у них почему-то укороченный день...

Приехал домой и стал колдовать. Часа через три добрался до сути: у самой вилки проволока перетерлась. Изоляционную ленту пришлось заменить лейкопластырем.

Вскоре я самостоятельно исправил электроплитку. Опять же, понятно, не по своей воле.

И вот неожиданно-негадэнно за мной увязалась слава домашнего мастера-универсала. Как-то соседка-пенсионерка приволокла к нам полную корзину домашних бытовых приборов.

Сосед с верхнего этажа, старый учитель, принес электробриту.

— Никак специалиста не разыщу. В мастерской сказали: «Слишком сложный ремонт». Выручайте!

Сначала я отбивался от заказов. Но потом не устоял: взял за свой счет отпуск на два дня и с горем пополам приступил к делу. Не оставлять же соотечественников в беде!..

— А все же вы счастливчик! — сказал мне учитель, получая свою электробриту. — Я вот в молодые годы о будущем не подумал, да и электроприборы тогда были наперечет. Впрочем, и в нашем городе кое-кто все еще прошлым живет. Не замечают, что жителей в Тамбове теперь около двухсот тысяч и в каждой квартире чуть ли не с полдюжины электроприборов. А мастерских в областном центре, как и двадцать лет назад, всего три. Да и те размещены только в центре и ютятся в халупах.

Так ко мне, рядовому бухгалтеру, пришла слава. Но, честно признаться, она мне ни к чему. И я с удовольствием передал бы ее руководителям областного управления бытового обслуживания и горисполкома.

Записал **В. КОМОВ**,

г. Тамбов.

Когда людские речи смолкли и в магазине свет погас, две книги отзывов на полке разговорились в поздний час.

Открывшись, первая сказала: «Самой себе противна я! Смотри,

полна различных жалоб страница каждая моя...»

«А у меня судьба иная, — другая молвила в ответ. —

Отличных отзывов полна я, и на страницах жалоб нет, хоть всю прочти меня с начала!..»

«Так в чем секрет успеха тут!»

А ей вторая отвечала: «Меня не каждому

дают.»

Л. КУКСО

В воскресенье мама купала Аленку. Обедом занимался папа. Он сам ходил на рынок и готовил на кухне. Я был почти выходной. Мне досталось только постелить на стол скатерть и поставить посуду. Я все сделал заранее и читал про китобойную флотилию «Слава».

Когда обед был готов, папа достал из холодильника кильки и взял консервный нож. Он даже покраснел, пытаясь воткнуть его в банку. Потом ударил по ножу молотком. Брызнул красивый фонтанчик. Я засмеялся, а мама рассердилась, хотя скатерть запачкалась совсем немного. В банке получилась маленькая дырочка, но это не помогло. Банка не открывалась.

Мама сказала, что на банки идут остатки той стали, из которой раньше делали танки, и что лучше обойтись без килек.

Наш папа очень упрямый. Он достал зубило и все-таки открыл банку. Всем положили по четыре кильки. Мне самые крупные, но все равно они были такие истерзанные, что есть их совсем не хотелось.

Тогда папа сказал, что кит за один прием съедает несколько тысяч килек, а мама заметила, что киты вовсе не едят килек, а питаются планктоном.

Папа заявил, что это — нарушение педагогического процесса и что он не видит причины, почему бы кит отказался от килек, если они под руками.

Я не знал, что такое планктон, но чувствовал, что папа заблуждается.

Неловко нападать вдвоем на одного, но я всегда за правду, и поэтому мне пришлось сразить его окончательно.

— Чем же киты открывают банки, тоже зубилом? — спросил я. Папа и мама засмеялись. Оказывается, там, где живут киты, кильки бывают без банок.

Тогда мне показалось, что папа, наверное, прав. Главное — открыть банку, а съесть любой может. Даже кит.

Виктор МИЛУШКИН

Рисунок **Б. САВКОВА**

ИЗ ДВУХ ЗОЛ ВЫБРАЛ МЕНЬШЕЕ

— **Пройдемте в отделение, товарищ!**

Строительно-монтажный трест № 1 Амурского совнархоза заболел страстью к искусству, которое называется в народе штукатурством.

У нас нет сведений, как проник зловерный вирус в души строителей, но, возможно, это произошло так.

...Безрезультатно окончилось совещание, искавшие способы выполнения трестом плана. И, как водится, после официальной части начался концерт.

— Выступает мастер оригинального жанра,— объявил ведущий.

Разинув рты, руководители треста и управлений смотрели, как эстражник вынимал из обыкновенной чернильницы оконное стекло, мягкие кресла, консервированное молоко... В заключение он поджег папку со строительными графиками и, галантно поклонившись, удалился.

Когда ладони устали от аплодисментов, лица снова помрачнели. Папка, как и полагается в фокусах, не сгорела. И опять напомнила руководителям, что сроки окончания работ безнадежно срываются. А у всех было острое, до слез, желание выглядеть строительными молодцами.

Вяло, как костер из сырых поленьев, разгорался обмен мнениями.

— Такие штучки наверняка показывали еще во времена строительства египетских пирамид,— разочарованно сказал начальник 4-го управления, хлопавший иллюзионисту едва ли не больше остальных.

— Фараонам можно было веселиться, их сроки не поджимали! А мы вынь да поставь линию электропередачи,— горько посетовал начальник 1-го управления.

— Или геологоразведочный техникум,— сказал начальник 4-го управления.

— Хоть тресни, ничего не получается,— скорбно резюмировал начальник 3-го управления, которое возводило стекольный завод.

— А может, нам перенять опыт у мастера оригинального жанра?— вдруг нашелся кто-то.— Что ни говорите, а чернильница— это вещь!..

В костер словно подбросили сухих паркетных дощечек. Все начали оживленно обсуждать спасительное предложение.

Спустя некоторое время в совнархоз посыпались вороха сводок. Работники совнархоза не успевали приходить в себя от изумления.

Электролиния выводилась гораздо быстрее, чем самый примитивный дачный забор. Стекольный завод, оказывается, был почти готов к серийному выпуску изящных сервизов. Учебный корпус техникума подходил, как на закуску.

Когда выступает иллюзионист, зрителям запрещается находиться за его спиной. Работники треста оказались в худшем положении. За их спиной стоял Строительный банк в лице его Амурской конторы. Контролеры банка взяли складные метры и рулетки и обмерили объекты, за которые были получены деньги.

И обнаружили, что трест приписал строительно-монтажных работ больше чем на миллион рублей. Это было в 1959 году.

У трестовцев затряслись поджилки. Но совнархоз ограничился лишь отеческим внушением.

Трестированных иллюзионистов это обрадовало. Как известно, даже опытный мастер не показывает один и тот же фокус два раза. Второе и четвертое управления треста пренебрегли этим. Они дважды включали в свои победные отчеты одни и те же невыполненные работы.

Административный Черномор.

Стройбанк проверил треть оплаченных работ и установил, что их стоимость завышена почти на полтора миллиона рублей. Это было в 1960 году.

Последовало громовое распоряжение Амурского совнархоза «Об устранении приписок, завышения объемов и стоимости выполненных строительно-монтажных работ». Главный инженер 4-го управления А. И. Гусевский получил едва ощутимый выговор и тут же пересел в кресло начальника 8-го управления. Руководитель производственного отдела треста В. И. Лебедев стал творить строительно-монтажные чудеса во 2-м управлении, начальник 3-го управления К. Е. Фоменко — в 6-м. С двоих в виде опыта взыскали треть оклада.

Прошел год. На совещаниях «летучках», у окошечек касс, в президиумах снова встречаются те же лица. Не стыдясь Стройбанка, иллюзионисты обмениваются опытом. За шесть месяцев нынешнего года они «накрутили» на приписках уже больше сорока тысяч рублей.

Знают мастера оригинального жанра, что всемогущий совнархоз милостив!

Д. ЕПИФАНОВ

г. Благовещенск.

О пользе порки

На XXII съезде КПСС были зло высмеяны бракоделы, которые, подобно Акуле из старой поговорки, сначала сошьют, а потом начинают пороть сшитую вещь.

Потомки Акули
Дела не свернули;
Не в силах традиций своих побороть,
Шьют вещи-уроды,
Про «каверзы моды»
Нелепую чушь ухитряясь пороть.

Пора бы, однако,
Создателей брака
До самых высоких начальников вплоть,
Внедряющих этот
Порочнейший метод,
Самих за такую работу пороты!

Юрий БЛАГОВ

«Самообслуживание»

ДИКОВРАЗ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ

ПО СЛУЧАЮ МЕСЯЧНИКА ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ ЖЕЛАЮ ТЕБЕ ВСЕГО. ЧТО ТОЛЬКО МОЖЕТ ПОЖЕЛАТЬ ИСКРЕННИЙ ДРУГ! ПРИ ВСЕЙ МОЕЙ ЛЮБВИ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ПРОГРЕССУ Я СЧИТАЮ, ЧТО ТВОИ ВИЛЫ — ЕДИНСТВЕННОЕ

ОРУДИЕ, КОТОРОЕ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ЗАМЕНЕ НОВЕИШИМИ МЕХАНИЗМАМИ. ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ БЕЗ ПРОМАХА ВОЗВРАТИТЬ ВИЛЫ В ВОК ВСЕМ, КТО МЕШАЕТ НАШЕМУ ОБЩЕМУ ДВИЖЕНИЮ К КОММУНИЗМУ!

ДИКОВРАЗ

В гостях у крокодила

Мирослав ШВАНДРЛИК

О Иоула, Иоула!

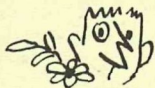
Так называется одна из рубрик журнала «Дикобраз». Читатель жалуется, что ему не смешно? Отлично! Пусть он веселит сам себя. «Дикобраз» предложил своим читателям присылать ему для опубликования анекдоты и шутки. Призыв был встречен с энтузиазмом. Ежедневно порог «Дикобраза» переступает почтальон, сгибающийся под тяжестью анекдотов. Сотрудникам «Дикобраза» остается только выбирать лучшие и писать на них: «В набор». Вот некоторые шутки из отдела «Самообслуживание».

К адвокату пришел человек и заявил, что хочет развестись с женой. Она, дескать, каждую ночь шатается по пивным.

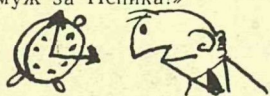
— Ну и ну! — удивился адвокат. — Ваша жена пьет?

— Что вы, — отвечает истец, — это она меня разыскивает!

Молодой человек поздравляет после свадьбы новобрачного и добавляет:

— Я тот самый Пепик, о котором вы будете всю жизнь слышать: «И зачем я не вышла замуж за Пепика!»

— Какой мне смысл вовремя являться на работу, — жаловался некий служащий, — если в канцелярии к началу рабочего дня нет никого, кто бы мог это оценить?

Переходный возраст — это время, когда человек начинает удивляться, как это у таких глупых родителей мог появиться столь умный ребенок.

Октябрьским днем семнадцатого года Лорд Брэдбурри сказал своим друзьям:

— Большевики не сделают погоды И скоро полетят ко всем чертям!

Ведет меня предвиденье пророка, Дни коммунистов будут коротки.

Даю обет Не брить усы до срока, Пока не полетят большевики.

Прошла неделя, А за ней другая. Промчался месяц, А за ним другая. И леди, благоверного ругая, Просила:

— Сэр, побрейтесь, дорогой!

Карел БРАДАЧ

— Как можно! Дал я слово джентльмена. И ваша прихоть попросту глупа...

Усы росли у лорда постепенно, Они уже свисали до пупа. Вид Брэдбурри был глуп, смешон и жуток. Усы он, вокруг себя обвив, носил.

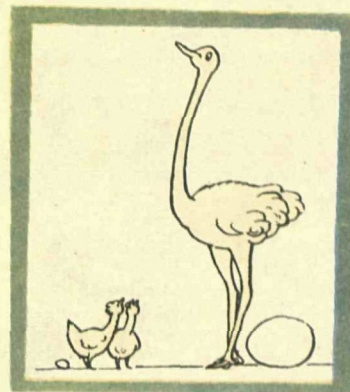
Но бритым лордам было не до шуток:

Росла Россия, Набираясь сил, Неумолимо время шло, И вскоре, Как с точностью известно стало нам, Его усищи выросли до моря, По океанским стелются волнам.

Вид лорда многим не казался странным. Теперь уже, Отнюдь не для красоты, Стал кое-кто носить за океаном, В Америке, Такие же усы.

Перевод с чешского Александра НИКОЛАЕВА.

Рисунок М. КРАТОХВИЛА

— Скажите, пожалуйста, какой у вас технологический процесс!

Рисунок В. ЛЕПШИ

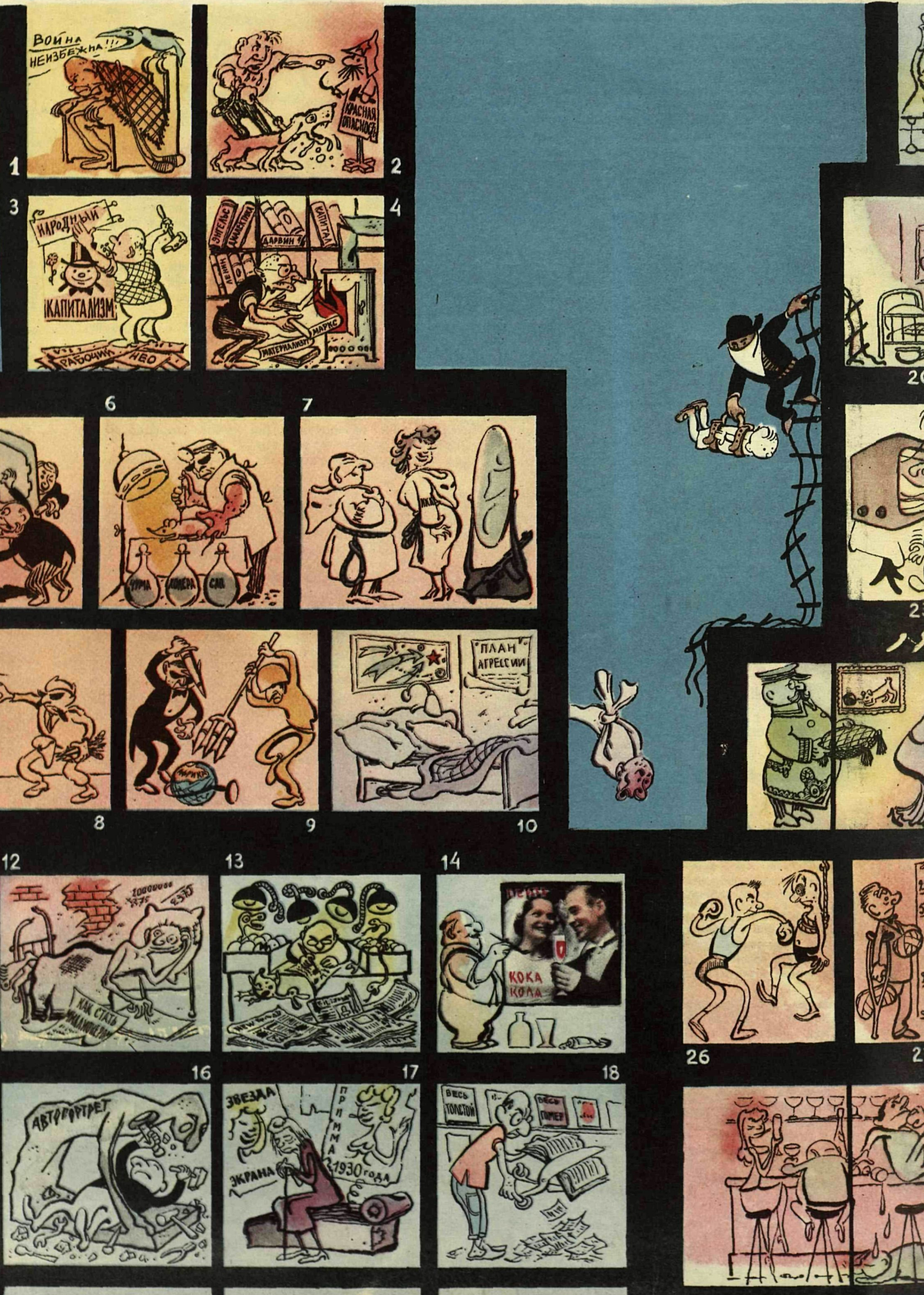

— Черт побери, недостача в чаевых!

Перевод с чешского В. ПЕТРОВОЙ.

Когда упоминают слово «рентген», в воображении тотчас же возникает темная комната, холодное прикосновение рук врача в резиновых перчатках, трепетный вопрос: «Ну, как сердце, доктор?» — и бодрый ответ: «Все в порядке, бьется».

Сатирики же обладают гораздо более портативным рентгеновским аппаратом. Громоздкая установка, темная комната им не нужны. Сатира, подобно рентгеновским лучам, пронизывает насквозь любой предмет, до целого дома включительно. Так художник Ю. ФЕДОРОВ сумел увидеть все происходящее в огромном нью-йоркском небоскребе. Рентгенокариатура получилась настолько подробной, что по ней вполне можно изучать болезни, одолевающие дряхлое существо по имени «капиталистическое общество».

Суслики войны не начнут

Член палаты представителей Эдвин Дули плохо провел эту ночь. Обеспокоенная жена, видя его более чем возбужденное состояние, долго уговаривала его выпить валерьянки.

— Боже мой! — застонал Эдвин Дули. — Ну чем ты отличаешься от этой белки!..

— Ради всего святого, Эдвин, о какой белке ты говоришь? Опомнись!

— Ну, конечно, ты считаешь меня идиотом! Знаешь ли ты, что завтра, через час или сию минуту может начаться война? Ах, не знаешь! А кто ее начнет, тоже не знаешь? Так знай же! — загремел мистер Дули. — Войну начнет белка!

И член палаты представителей от штата Нью-Йорк сунул жене книгу «Безопасность страны и контроль над вооружением», которую получили все члены конгресса. В книге черным по белому было написано, что белка или какой-либо иной грызун может повредить кабель, в результате чего произойдет автоматический запуск ракеты «Минитмен» в самый центр России.

— Я немедленно принимаю меры, — категорически заявил Дули.

— Ты хочешь закупить средства от грызунов? — с тревогой спросила супруга.

— Нет, пожалуй, я сейчас напишу запрос министру авиации.

Ответ министра авиации Соединенных Штатов Юджина Цукерта благодаря расторопности корреспондента агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл стал известен всей стране. Министр авиации снисходительно разъяснил мистеру Дули, что белки, как правило, прыгают по деревьям, а кабели, которые предназначены для запуска ракеты, проложены глубоко под землей. Это в отношении белок. Что же касается сусликов, кротов и прочих подземных тварей, то «если какой-нибудь зверек и заденет кабель, то автоматически сработает сигнал тревоги, что даст возможность выключить систему». А поему, заключил министр, всякое предположение, что ракеты могут оказаться запущены сами собой, полностью исключено.

Дав сей ответ, министр, безусловно, полагает, что в семье Эдвина Дули воцарилось спокойствие. «Слава богу, — скажет теперь мистер Дули, — белки, суслики и кроты не вызовут страшной опустошительной войны. Какое счастье!»

Не знаем, может быть, мистер Дули отныне спит спокойно. А вот что касается многих других его соотечественников, то вряд ли их удовлетворит сообщение, что суслики и белки не грозят человечеству всеобщим уничтожением. Их всерьез беспокоят другие грызуны, о которых мис-

тер Цукерт, естественно, не упомянул, но о которых прекрасно осведомлен. Они полагают, что министру авиации небезызвестно, что сотни стратегических бомбардировщиков США постоянно находятся в воздухе со своим смертоносным грузом. По приказу какого же «суслика» происходят эти провокационные полеты? Система сложной автоматизации воспрепятствует грызунам замкнуть кабель для запуска ракеты — это министр изложил довольно популярно. Кроме того, думается, что бронированный кабель не по зубам, да и не по вкусу грызунам. А между тем имеется немало не подземных, а вполне земных обитателей, также своего рода грызунов, которые во что бы то ни стало стремятся нажать красную кнопку, чтобы все эти «Минитмены», «Матадоры» и «Бомарки» обрушились на мирные страны. Один из таких кротов писал 23 октября в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»: «Пусть начнется большая война и все изменится. В войне ядерные силы США уничтожат все, что создано коммунистами за десятилетия».

Однако мистер Юджин Цукерт предпочитает говорить о сусликах, а не о тех, кто рвется в США к красной кнопке.

Я. МАЛЫКИН

Из произведений сатириков Африки

ТОДД МАТШИКИЗА
(Южно-Африканская Республика).

Братья во Христе

Приехал к нам из-за моря-океана новый пастырь. Был он молод, смел и полон благих порывов. Взглянул наставлять паству на путь истинный. Соберет прихожан, обхватит кафедру ручищами и давай:

— Вы, черномазые, пьяницы! Вы, черномазые, такие! Вы, черномазые, сякие!

Каков пол, таков и приход. Пришли черноногие прихожане к своему проповеднику, взяли его в оборот как следует:

— Перестань звать нас «черномазыми». Мы же не кричим тебе: «беломазый!» Бросишь в нас еще одну пригоршню обидных слов, не так еще наломаем бока!

Теперь наш заморский друг начинает свои проповеди так:

— Возлюбленные мои братья!..

БАБЗ ФАФУНА

(Нигерия).

Как я изучал демократию

С группой студентов-африканцев я был послан учиться в колледж Бетун Кукман, штат Флорида, США. Однажды мы сидели в ресторанчике и ели. Вошел полицейский и спросил:

— А вы, негритосы, откуда? Мы вежливо объяснили, что мы не «негритосы», а студенты из Африки.

— А я говорю, «негритосы!» — заорал полицейский.

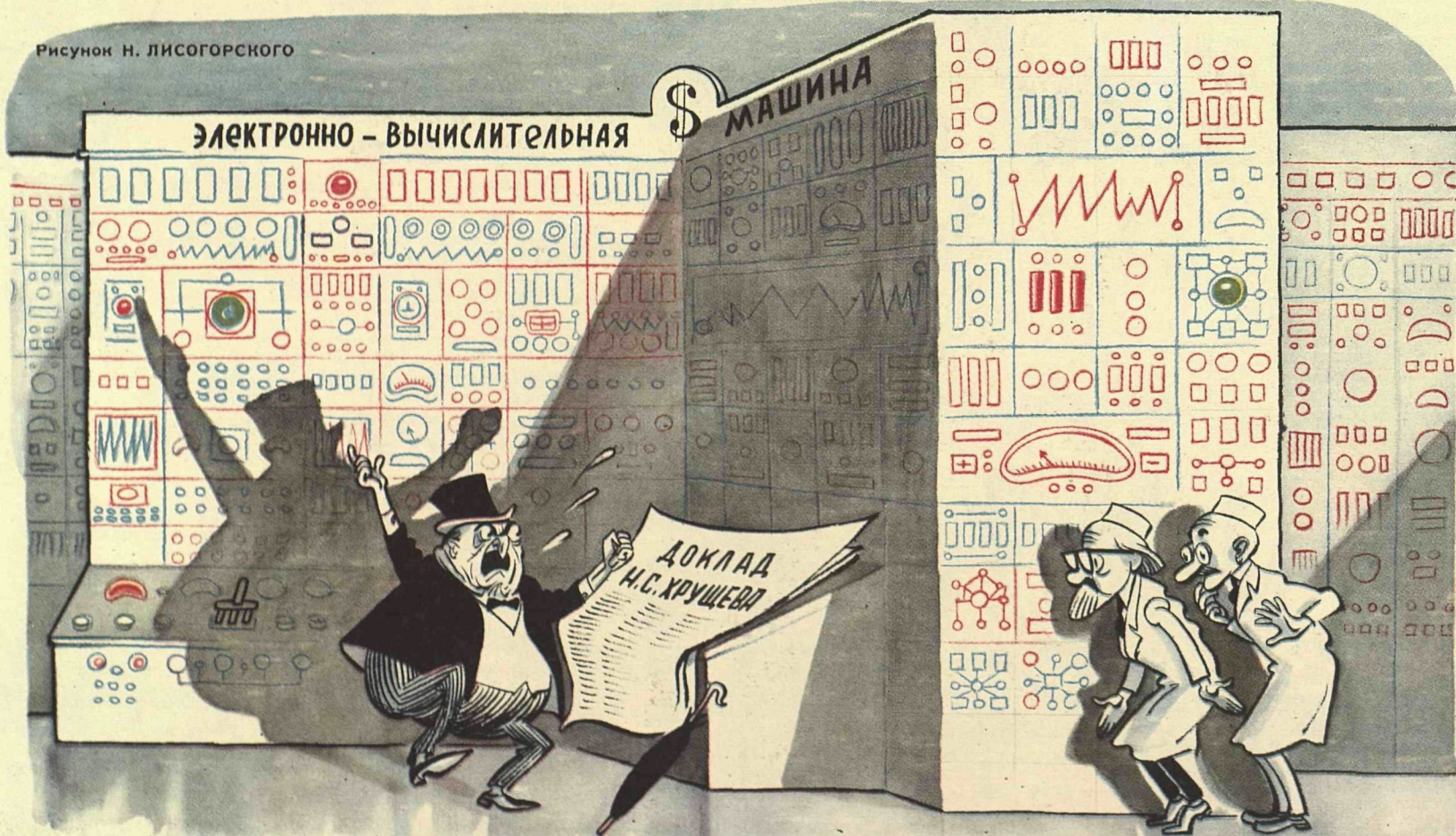
— Нет, господин блюститель порядка, мы из Африки.

— А я говорю, «негритосы!» — с угрозой в голосе повторил блюститель и, чтобы сделать свое утверждение более доказательным, положил руку на кобуру револьвера.

Нет, мы не зря ездили в США изучать демократию в действии.

Перевел с английского
В. Костомаров.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Ваша машина никуда не годится! Я проверял на ней цифры доклада, и они оказались точными!

Гарун Аль Рашид на Казанском вокзале

РАССКАЗ

Теперь роман Евстигнеев Семеновича не поминают даже худым словом. И критики уже не цитируют выдержки из «Козьих перевалов».

К началу нашего рассказа Евстигней Семенович делал два дела: перелистывал старый журнал и старался не слушать жену, которая говорила:

— Тебя уже не будут переиздавать. Забыли. Еще бы! Ты даже под некрологами не подписываешься. А на внутрииздательских рецензиях далеко не уедешь. Надо что-нибудь новое писать. Но ты совсем отстал от жизни. Они правы. Ты даже в магазин ленишься спуститься. Вот если б ты ходил по магазинам...

Тут Евстигней Семенович и высказался: — Чтоб изучать жизнь, мне нужна борода.

— Это просто удивительно! — всплеснула руками жена. — В трагическую минуту биографии думать о своей внешности!

— Но мне нужна не постоянная борода, а временная. Театральная борода. Иди сюда! Узнаешь этого человека?

Евстигней Семенович показал жене напечатанный в старом журнале портрет бородатого мужчины в кепке блином.

— Нет. Совершенно не узнаю.

— А между тем это загримированный Алексей Максимович Горький.

Журнал сообщал, что в начале тридцатых годов, возвратившись из-за границы, Горький отправился побродить по окраинам Москвы, потолкаться среди простого народа. Не желая быть предметом всеобщего внимания, Алексей Максимович прибег к нехитрой маскировке: приклеил бороду и сменил свою широкополую шляпу на приплюснутую кепочку.

— Надо осваивать классическое наследие, — сказал Евстигней Семенович. — На третьем съезде писателей снова призывали учиться у Горького. Вот только где бороду достать?

Жена трезво заметила:

— Тебя ведь меньше знают, чем Горького. Зачем же борода? А шляпа и модное пальто действительно не годятся. Ты должен одеться под народ, помнишь, как это делал Гарун Аль Рашид?

Евстигней Семенович помнил любопытного арабского халифа. И супруги стали искать подходящую одежду. Ни чалмы, ни торбана не нашлось. Зато из старого сундука извлекли фуражку военного образца со сломанным козырьком и кирзовые сапоги.

До Гарун Аль Рашида было еще далеко.

В этот переломный момент жена и вспомнила о поддевке, которую ее дядя привез еще из Твери. Светло-синим одеянием с рюмочной талией питались поколения прожорливой моли. Но съест поддевку до конца моль так и не смогла. Когда писатель облачился в суконные остатки и увенчал себя военной фуражкой, жена воскликнула:

— Даже я не узнала бы тебя! Нет, никакой бороды не нужно!

Стеснительно прошмыгнув мимо соседней квартиры, Евстигней Семенович Гарунали-рашидов зашагал к Комсомольской площади. Писатель решил: «Гуще всего жизнь на железнодорожной станции».

Под церковными сводами Казанского вокзала нервно сновала толпа пассажиров. Евстигней Семенович прошел в темный, тихий угол. Тут стоял большущий деревян-

ный диван. Чтоб его не украли, на диванной спинке были вырезаны опознавательные инициалы — «Ж. Д.». На это жесткое сиденье и опустился писатель. Теперь он стал ждать, какого собеседника пошлет ему судьба.

Вскоре рядом оказался мужчина в телогрейке и ватных штанах. Едва успев присесть, он спросил:

— Далеко едете?

Евстигней Семенович как-то сразу смутился, потому что никуда не ехал. Однако овладел собой и стал отвечать на дремучем языке персонажей своего романа:

— Далече, батюшка, далече. Почитай, за тридевять земель. Ажно боязно.

— Табак куришь? — почему-то строго спросил мужчина в телогрейке.

— Как, родимый, не курить! Сызмальства приучены. Тоже и мы люди.

— Не будет ли махорочки на закрутку?

— Пошто не быть! — бодро отозвался писатель. Но, сунув руку в карман, приуныл. — Вишь какое дело, милоч. Пяты сутки как со двора я. В городе запоздал. Махра вся. Городских вот на, што ли. — И он протянул соседу коробку «Казбека».

Пока тот раскуривал писательскую папиросочку, Евстигней Семенович старался покрепче завязать знакомство с человеком из народа:

— А ты, мил, сам из каких будешь? Чай, не заводский?

— Заводский. Токарем работаю.

— А чего точаешь?

— А эти самые... шестерни. Слышал?

— Колеса это, которые с зубьями?

— Вот-вот!

— Кажный человек к своему приставленый, — принялся философствовать Гарун Аль Рашид в поддевке. — Который при землице состоит, который шестерни ладит... А у вас в городе тож ничего, жить можно.

Для достоверности тут следовало бы поделиться городскими впечатлениями. Евстигней Семенович замаялся было, но, вспомнив про ярмарку в Лужниках, резко залопотал:

— Ярмонки в Москве ладят, как в старину. В сжатости торжище идет. На пять миленов жителей одна ярмонка — гуляй — не хочу! Народ со всех боков в кучу стесненный. Теснотища — без продыху. Одначе болести або немочи какой не происходит, потому...

Человек в ватных штанах бесцеремонно перебил собеседника:

— Расскажи лучше, как дела в колхозе, дед.

Разошедшийся Евстигней Семенович сразу скис. Ему стало не по себе от грубого и обидного слова «дед». Захотелось домой, к уютному креслу, к старым журналам. Навязчивый сосед сделался неприятен и подозрителен. «Наверное, жулик, — подумал Евстигней Семенович. — Видит простого человека и хочет объегорить. Конечно, типичный вокзальный мазурик».

Писатель забеспокоился, стал ерзать по жесткому сиденью и на всякий случай, будто почесываясь, оцупал бумажник.

А мазурик придвинулся поближе и спросил громче:

— Как, дед, в колхозе дела, спрашиваю?

Мучительно придумывая способ, чтоб ретироваться без потери достоинства и имущества, Евстигней Семенович понес явную околесицу:

— Дела известно как. Хороши дела. Картофь уж скосили. Капусту тожа. Потому технику пуцаем. Опять, земля у нас какая? Бросовая земля. Вот энто сейчас камень, а энто болото. Только лягушкам и водиться. Да вот еще цапли. Цаплев у нас тьма. Разводим. Для подъема животноводства разводим. С курьями вместях. Цельная ферма выстроенная.

— Цапли? Это очень интересно! — оживился сосед в телогрейке. — Хорошо бы съездить к вам посмотреть. Взяли бы меня в гости, а?

«Определенно мазурик! — молнией пронеслось в голове Евстигнеев Семеновича. — Хочет ко мне в дом вторгнуться!»

И писатель как можно индифферентнее сказал:

— Пошто не ехать? Ехай! Садись на чугунку и ехай. — И добавил, чтоб не так было страшно: — А наших деревенских тут целая артель.

Потом Евстигней Семенович поскреб пятерней в затылке и, словно раздумывая вслух, сказал:

— Пойтишь нешто к ребятам чайку откушать да онучи переобуть?

Убедившись, что подозрительный тип за ним не следит, Гарун Аль Рашид-второй, вихляя сборчатый задом поддевки, проворно шмыгнул в тоннель метро.

...На следующий день Евстигней Семенович отправился на киностудию, куда был приглашен накануне.

— Пришли? — спросил руководящий товарищ, который, вероятно, имел причины не доверять своим глазам.

— Пришел, — не стал отпираться писатель.

— Прошу садиться!

Хозяин кабинета сразу же взял быка за рога:

— Сценарий — основа производства! Без сценария нет фильма! Мы разворачиваем заготовку сценарного портфеля в широких масштабах. Хотим просить вас как знаточка народной речи почистить диалоги в сценарии «Далекий колхоз». Постановка поручена Эрнесту Павловичу. Этот кинорежиссер сейчас решительно перестраивается в свете требований. Он лично изучает жизнь, не передоверяя дела своим ассистентам. Он...

В это время в кабинет влетел человек и, игнорируя присутствие Евстигнеев Семеновича, обрушил на руководящего товарища темпераментный монолог:

— Вчера мне удивительно повезло. Сама жизнь подсказала костюм для главного героя. Знаете, как он будет одет? В поддевку! Да, да! Вы удивлены? Вы думаете, это анахронизм? Сидите в кабинетах и не знаете жизни! А народ и в этой области говорит уже новое слово. Колхозники снова носят поддевки. Я своими глазами видел.

— Глазами — это еще не все, — осторожно сказал руководящий товарищ. — Помогнем, прикинем, посоветуемся. Впрочем, обменяйтесь предварительно с приглашенным писателем. Прошу знакомиться!

Долго, не подавая руки, смотрел Эрнест Павлович на смущенного Евстигнеев Семеновича и наконец процедил:

— Это что же, мистификация?! — И тут же добавил запальчиво: — Ну как, переобули онучи? А пора бы! Ведь вы, небось, пяты сутки как со двора?

Писатель молчал.

Каварство и любовь,

Петр Филиппович Медведев твердо решил бороться с частнособственническими пережитками в сознании отдельных граждан. Или, точнее, отдельных гражданок.

Не просто так, вообще бороться, а практически. Не словом, а делом.

Стратегический план Петра Филипповича сводился к следующему: наметив типичную жертву, пораженную вирусом приобретательства, войти к ней в доверие, установить контакт, а затем подорвать ее экономически. Лишить питательной почвы. Рубануть, что называется, под самый корень и тем самым вырвать из липких пут мешанского корыстолюбия.

Жертву чуждой психологии Петр Филиппович облюбовал подходящую. Анна Иосифовна Барон по всем статьям отвечала стратегическому плану. Добротный дом, земельные участки общей площадью двадцать соток, солидное парниковое хозяйство. Конечно, кубышки да сберкнижки, перины да шифоньеры, то да се. Опять же и с точки зрения чуждых нравов все обстояло как нельзя более типично: скаредности и мелочности. Анна Иосифовна занимать не было нужды.

И Петр Филиппович пошел на штурм.

Впрочем, тут же выяснилось, что он ломился в открытую дверь: Анна Иосифовна как раз требовалась мужская поддержка. Двадцать соток — их обрабатывать надо. А тут, пожалуйста, скромный на вид работяга, или, как сам про

или печальная повесть о неравной борьбе скромного труженика с мелкобуржуазной стихией

себя пишет Петр Филиппович, «труженик-котельщик морского транспорта».

Придя из загса в удельное садово-огородное княжество Анны Иосифовны, труженик-котельщик поплевал на ладони и взялся за лопату.

Стратегический план Петра Филипповича осуществлялся с великопленной точностью. Скромный котельщик проник в сокровенные святыни прибыльной фирмы «Барон и К^о». Бывало даже, что ему милостиво позволялось присутствовать при подсчете засаленных десятков. При виде того, как десятки исчезают в бездонных комодах Анны Иосифовны, бедный котельщик только тяжело вздыхал. Частнособственнические инстинкты торжествовали.

Два с лишним года пролетели незаметно. Петр Филиппович в совершенстве освоил тяпку и лейку. Анна Иосифовна исправно поставляла на одесский рынок помидоры и прочую снесь. Двадцать соток приносили много сотен.

Но Петру Филипповичу так и не удалось нанести удар по прогнившей системе частного предпринимательства. Анна Иосифовна опередила смельчака-труженика, заттаившего камень за пазухой. И выставила его за двери.

Вы, может быть, думаете, что отчаянный борец против пережит-

ков дрогнул? Ничуть не бывало! Стратегический план оставался в силе: надо было взорвать экономику этой хищницы Анны Иосифовны. И если не изнутри, то теперь хотя бы извне.

Петр Филиппович ринулся в атаку. Он вынудил свою бывшую подругу жизни занять оборонительные позиции. Он через суды метал в нее отравленные стрелы сарказма и изобличения.

«Гр-ка Барон А. И.— бывалая женщина, до брака со мной была несколько раз замужем и, используя их в своих целях обогащения, расставалась с ними, как я узнал позже».

Как я только зарегистрировался с гр-кой Барон, то я понял, что нужен ей как рабочая сила и ширма, чтобы скрыть свое лицо за моей рабочей спиной от людей, которые видели в ней человека, признающего только наживу».

Разоблачив таким образом растленное, паразитическое нутро матерой эксплуататорши, самоотверженный труженик-котельщик смачно описывал те жертвы, на которые он пошел ради идеи.

«Гр-ка Барон заставляла меня все свободное время с рассвета до полной ночи работать. Выручая огромные суммы денег от реализации первых помидоров (парниковых), деньги припрятывала, экономя даже на пище для меня».

Прожив с гр-кой Барон более двух с половиной лет и вложив в хозяйство свой повседневный труд и средства (получаемая зарплата на заводе), тем самым я помог ей увеличить свое благополучие, так как последняя от реализации ранних помидоров на рынке имела доход за 2,5 года около 150 тыс. руб., и все это благодаря моему огромному, безустанным труду.

Кроме того, мною вложен был личный труд и средства по улучшению хозяйства: постройка теплиц, приобретение рам и т. д.

Однако гр-ка Барон расходовала средства с таким расчетом, что мне, рабочему здоровому человеку, можно было от истощения умереть, а деньги прятала в тайник. Я нищим ушел от нее, будучи выгнанным, как собака».

Ради чего же приносились все эти жертвы? Как было сказано, ради идеи. Идея же заключалась в том, чтобы выбить из-под ног у Анны Иосифовны экономический базис. А выбить и до сих пор не удается. И вот почему:

«Исходя из указанного, в связи с тем, что мы с ответчицей Барон расстались, я предъявил к ней иск на сумму 22 тыс. руб. (старые деньги), но народный суд 4-го участка Приморского р-на гор. Одессы удовлетворил мою просьбу-иск лишь в размере 5 570 руб., исчислив доходы от помидоров по 5—6 руб. кг, в то время как в деле имеется справка торговдела о продаже таковых (первых парни-

Рисунок Б. САВКОВА

Заготовили на зиму...

ковых) по значительно высокой цене...»

Смотрите, как наострился Петр Филиппович за те годы, пока он упорным трудом подрывал презренную частную собственность! Все-то он превзошел, все постиг: и что почем, и сколько можно содрать, и когда именно содрать удобнее всего. Одного только понять не может: почему ему, труженику-котельщику морского транспорта, схватившемуся один на один с мелкобуржуазной стихией, судьи не идут навстречу?

«...Суд извратил имевший место доход, а ведь, помимо парников, еще ежегодно на грунте высаживалось большое количество кустов помидоров, что также давало доход.

Суд также не учел, что не только был вложен мой труд, но и материальные средства: на постройку теплиц, приобретение окон и т. д., что было подтверждено свидетелями.

Народный суд и судебная коллегия по гражданским делам Одесского облсуда отклонили мои требования к Барон бесновательно и незаконно.

Короче говоря:

«Суд стал на сторону богатого, не пожелал защищать интересы труженика».

Как видите, Петра Филипповича жестоко обидели. Не поняли его лучших чувств и светлых помыслов. Не пошли ему навстречу.

И вот теперь Петр Филиппович пишет Крокодилу. Жалуется на «бездушно-бюрократическое отношение судебных органов». И просит «вмешаться в это дело».

Ну вот мы и вмешиваемся. И даже хотим выдвинуть такую — наверное, крамольную, с точки зрения некоторых статей гражданского кодекса, — идею: давайте в самом деле пойдем навстречу Петру Филипповичу. Вот, скажем, требует он себе половину того дома на улице Коккинаки, что куплен был Анной Иосифовной, — надо отдать. Требует взыскать со своей бывшей благоверной 8 542 рубля 64 копейки «за приобретенные доски, распиловку последних, изготовление 60 штук парниковых рам, а также приобретение оконных стекол, какими были застеклены парниковые рамы на площади 90 кв. метров», — надо взыскать. Настаивает на полюбовном дележе доходов от спекулятивных помидорчиков — надо разделить дивиденды поровну. И так далее.

А что же, вы спросите, потом?

А потом неплохо было бы поставить Петра Филипповича рядом с Анной Иосифовной и задать им ряд наводящих вопросов. И по выяснении обстоятельств взыскать с того и другого ответчика поровну все то, что они в тесном творческом содружестве награбили на одесском рынке.

Кстати, это пошло бы и еще кое-кому на пользу, ибо, как сообщает нам Петр Филиппович, Анна Иосифовна «нашла теперь другого заместителя, каковой является очередной жертвой».

Впрочем, мы не настаиваем на этом предложении. Как говорят, возможны варианты. Мы только вмешались в это дело по просьбе самого Петра Филипповича. А уж он, как неподкупный боец за правду, беззаветно сражающийся со скверной паразитического хищничества, надеемся, нас поддержит.

А. ВИХРЕВ

— Почему до сих пор нет боя!
— Такси, наверное, никак не поймают!

ПРОИСШЕСТВИЯ

ЦЕЗАРЬ ИДЕТ ПО СЛЕДУ...

Сначала Цезарь нашел бумажный мешок, туго набитый взрывчаткой. Затем вытащил из кустов извивающуюся змеею десятиметрового биффордова шнура. Потом наткнулся на замаскированный грузовик и собачьим чутьем почувствовал, что это не волки. Следы пахли чем-то особым. Особый запах усиливался. Еще через двадцать шагов гончак Цезарь споткнулся о какой-то блестящий продолговатый предмет, обнюхал его и, вытянув морду, без чувств рухнул на землю. На предмете белела наклейка: «Особая».

Что же случилось?

В этот день из Минска в урочище «Прудиче» приехала группа охотников, среди которых были общественные инспектора. После того как они пустили Цезаря по следу и он нанюхался спиртного, охоты на волков инспекторам пришлось отложить и заняться охотой на браконьеров.

И в самом деле, не успели охотники сосчитать до пяти... пустых поллитровок, валявшихся вокруг, как вдруг зашумел камыш. Со стороны реки появилось несколько неизвестных в штатском и один в форме младшего лейтенанта милиции. Вооружением штатских была острога, добычей — оглушенная фотель.

В ответ на требование общественных инспекторов и охотников предъявить документы браконьеры пожелали остаться неизвестными. Только после долгих споров знакомство наконец состоялось. Неизвестных в штатском: управляющего отделением совхоза «Буцевичи» Иванкова, председателя рабочкома совхоза

Роговского и председателя Готовинского сельсовета Шаповальского — любезно сопровождал их участковый уполномоченный Минского райотдела милиции младший лейтенант Довгучий.

Еще в совхозе за обедом хвативший лишнего Иванков выдвинул идею, что неплохо бы закусить фотелью, и предложил заехать на смолочуренный завод за взрывчаткой.

Сказано — сделано. Однако мастер Мушинский, боясь подорвать свой авторитет, взрывчатки не дал. Зато он дал указание подрывникам Ракецкому и Витушко поступить в распоряжение Иванкова и взрывать там, где прикажут...

Все это браконьеры, конечно, постеснялись рассказать общественным инспекторам. Но они не постеснялись сфабриковать акт, в котором со всей прямотой осудили за браконьерство... самих общественных инспекторов!

Да, было дело! И с каким интересом оно слушалось. Но пока что не в суде. За прошедший год общественным инспекторам удалось все же доказать, что это не их поймали, а они поймали. Что же касается Цезаря, то он окончательно протрезвился и выбирает теперь только не винные следы...

Ну, а следствие по этому делу не имело до сих пор никаких последствий. Если не считать повышения в должности главы браконьеров Иванкова. Он теперь не какой-нибудь управляющий отделением совхоза, а председатель Ревзнического сельпо.

Выходит, что не на тот след напал Цезарь! Не на тех напал!

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«...Прошу выписать из домовой книги, так как я и моя жена скоростно выезжаем на новое место жительства».

(Из заявления в милицию.)

«План заготовок витаминизированных продуктов мы должны выполнить, так как среди нашего населения еще много овощей и фруктов».

(Из доклада директора заготконторы.)

«Сообщите письменно о работоспособности вашего коллектива художественной самодеятельности в процентном отношении».

(Из директивы районного отдела культуры заведующим сельскими клубами.)

Собрал В. ШЕЛАМОВ.

пос. Кромы, Орловской области.

«Учитель легко владеет классом, но не владеет дисциплиной».

«Хорошее впечатление оставила внешность учителя: громкий голос, ясные команды...»

(Из анализа урока, сделанного студентами пединститута.)

Записал А. ЧЕРНОВ.

«Нужно позвать доярок и пусть они поговорят на своих языках».

(Из выступления на собрании.)

«Предлагаю посетителям вашей «Чайной» выдавать хвосты, чтобы они могли во время еды отмахиваться от мух».

(Из записей в книге жалоб и предложений.)

«Потом он подсыпал мне в чай хинину, чтобы я поняла, что медовый месяц кончился».

(Из заявления в суд.)

«Мне выдали электронаутуженные брюки в измятом виде и притом с новой дыркой».

(Из жалоб.)

Собрал В. ХОЛОД.

г. Харьков.

— Этот документ относится к категории морально изношенных циркуляров.

— В отношении науки наше министерство в затертом состоянии.

— Растраты являются нашим бичом, но этот бич мы постепенно изживаем. Темпы растрат у нас снизились.

— Под столом врача коврик не вытряхивался три месяца, а это уже пахнет грязью.

(Из выступлений.)

Записал В. ПОЛИТОВ.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Путь «зеленого змия».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ пародии

ЗВЕЗДНЫЙ ПАШТЕТ

Василий АКСЕНОВ

(«Звездный билет», журнал «Юность»)

Я живу в одной колоссальной хате. У меня есть папахен, мамахен и брудер Димка, между нами говоря, чувак высшей марки.

И вообще у нас в хате все чуваки. А если не чуваки, то лабухи. А если не лабухи, то психи.

Сам я супермен, что значит сверхчеловек. От суперменов пошли джинсы и джипы. Супермены изъясняются так:

— Сэр!
— Миледи!
— Ну, как конь?
— Хиляет.
— Железно?
— Законно.
— Ага!
— О' кэй!

Супермены носят рубахи навьпуск, а вместо галстуков — сапожные шнурки. Они предпочитают не скрипку, а трубу.

Труба. Саксофон. Банджо. Знатная чуви-ха. Копыта у нее какие. Блеск. Шик-модерн. Пошли рубать коктейль. Брижитт Бардо — потрясный кадр. Лоуренс Оливье — тоже молоток. Вы курите сигареты? Я курю «Голуаз блё».

«Марина, Марина, Марина».

Рок — это мощно. Не надо пить «Ереванский». А что надо пить? Пейте «Кальвадос» или «Перно», как ремарковские ребята. Поцелуй меня. Подожди, я еще не дочитал Сэлинджера. Сэлинджер — это потрясно. Пижоны. Закидоны. Опрокидоны. Жаргоны. И вообще дым коромыслом.

А знаете, что у алжирского бея под самым носом шишка?

М. МЕДВЕДЕВ

МОЯ БИОГРАФИЯ

...Хочу я рассказать о дальней дали,
Но ничего я вспомнить не могу,
Ни черточки случайной, ни детали.

...Я частность презирал. Подробности ненавидал...
Я ничего вокруг себя не видел.

...Я единичность полюбил с тех пор:
Вот дом. Вот сад. Вот человек на лавке...

Евг. ВИНОКУРОВ.

Я знаю, братцы, без сомнений,
Что я, — конечно, это я.

Я — Винокуров. Я — Евгений.
Вот дом. Вот садик. Вот скамья.
Я в жизни скушал уйму соли.
Чернил немало истребил.

Знать, оттого по доброй воле
Я единичность полюбил.
Я стал до жути гениален!

Но тут отшибло память мне,
И я, забывчиво-печален,

Укрылся в личной скорлупе.
И все, что в той скорлупке видел,
Я презирал иль ненавидал.

В. АНДРЕЕВ

Рисунок Е. ГУРОВА

— Семинариста из тебя не получилось, дьячка — тоже, попробуй поработать у нас мощами.

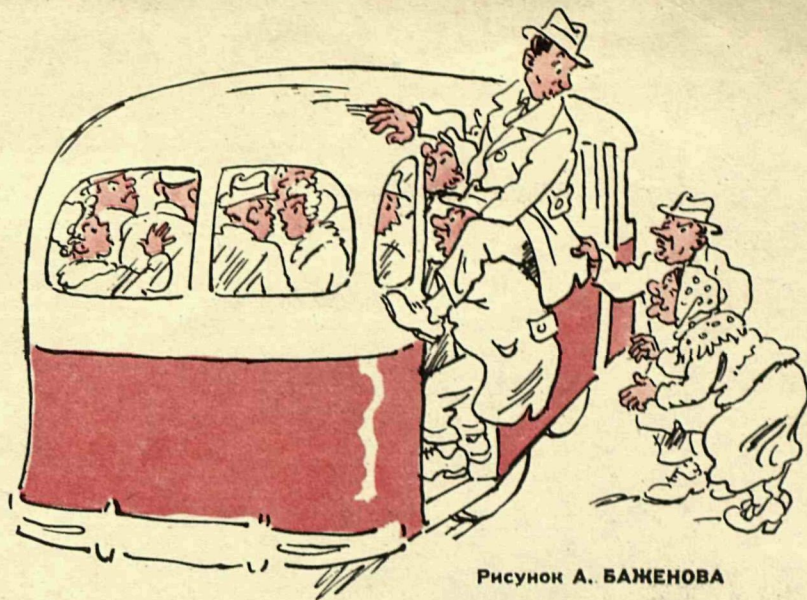

Рисунок А. БАЖЕНОВА

В ЧАСЫ ПИК

— Эй, верзила! Чего ты сидишь! Уступи место старушке!

Что нового в сатирическом цехе

НА ВСЕСОЮЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ 1961 ГОДА, открытие которой было приурочено к XXII съезду КПСС, есть и раздел сатиры. В нем показаны работы Ю. Ганфа, Б. Ефимова, А. Каневского, М. Черемных, Л. Сойфертиса, Е. Щеглова и других карикатуристов. Будете на выставке — загляните к сатирикам!

ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КРОКОДИЛА открылась в кинотеатре «Москва». Художники-крокодилы демонстрируют здесь все виды своего оружия — от незлобивой шулки до гневной сатиры. Из «Москвы» выставка отправится в другие города.

«ИГРА С ОГНЕМ» — занятие, как известно, весьма рисованное. Оно опасно для окружающих, и в первую очередь грозит бедой самим «игрокам». Об этом очень кстати напоминает поджигателям войны альбом карикатур художников КУКРЫНИКСЫ.

СОРОК ЛЕТ рисует политические карикатуры, пишет плакаты, оформляет комедийные спектакли, иллюстрирует издания классиков художник Б. ЕФИМОВ. Книга его записок, изданная «Советским художником», так просто и озаглавлена — «СОРОК ЛЕТ».

«РИСУНКИ» — только одно это слово значит на обложке изданного Крокодилом альбома художника Л. СОЙФЕРТИСА. Но перелистав альбом, вы согласитесь: никаких других слов и не нужно.

«ГЕРЦОГА-ДЕЛЯГУ» представляет читателям в библиотеке Крокодила М. Виленский. Там же И. Костюков рассказывает о «ЧУДО-ЧЕЛОВЕКЕ», Ю. Алексеев показывает «ПЛЯШУЩИХ ЧЕЛОВЕЧКОВ», А. Малин демонстрирует технику «КОРОТКИХ УКОЛОВ». И, как бы подводя итог их выступлениям, А. Николаев подает реплику: «ВОТ В ЧЕМ СОЛЫ!»

КРОКОДИЛ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС

Жюри — все читатели журнала

Вы заметили, дорогие товарищи, что мало еще публикует Крокодил на своих страницах коротких рассказов? Чтобы исправить это явно ненормальное положение, Крокодил и решил провести

КОНКУРС

НА

КОРОТКИЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ И САТИРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Короткий! Это значит размером не более двух страниц машинописного текста, напечатанного через два интервала.

Крокодил приглашает принять участие в новом конкурсе как профессиональных литераторов, так и начинающих сатириков и юмористов. Темы могут быть самыми разнообразными.

Рассказы будут публиковаться в журнале под девизами. Фамилию, имя, отчество, профессию и точный адрес автора необходимо написать на отдельном листке, заклеить в отдельном конверте и приложить его к

рассказу. Эти конверты будут вскрыты только после закрытия конкурса.

Для победителей Крокодил установил следующие премии:

одна первая — 250 рублей,
две вторых — по 200 рублей
и три третьих — по 100 рублей.

Крокодил утвердил жюри конкурса. На этот раз необычное, многомиллионное. Члены жюри — все читатели журнала! Когда Крокодил закончит печатание конкурсных произведений, он обратится к читателям: сообщите, какой из рассказов вы считаете самым лучшим, самым смешным. С помощью новейших электронных машин Крокодил подсчитает голоса и затем огласит результаты конкурса.

Рассказы на конкурс принимаются до 15 февраля. Адрес: Москва, А-47, редакция журнала Крокодил. «НА КОНКУРС КОРОТКИХ РАССКАЗОВ».

Рукописи, представленные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.

— Прости, дорогая, меня здесь отрывают...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00365. Изд. № 1766. Подписано к печати 10/XI 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Заказ № 2920. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, ул. «Правды», 24.

12

Всесоюзная
Книжная палата
контрол. экзempl.
1961 г.

Цена номера 12 коп.

Рисунок А. КРЫЛОВА

СТАРИК И МОРЕ.